

КРИМИНАЛЬНЫЕ ПАМФЛЕТЫ РОБЕРТА ГРИНА В КОНТЕКСТЕ РЕНЕССАНСНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЕМИКИ

Тема роли женщины в патриархальном обществе приобрела особенное звучание в ренессансной Англии именно потому, что на престол взошла Елизавета I Тюдор. Как известно, ее право на корону воспринималось в обществе неоднозначно и давало повод для многочисленных спекуляций на тему правомерности правления женщин мужчинами, богоугодности царствования дочерей Евы и т. д. Как отмечают ученые, в Англии этот вопрос подкреплялся еще и особым (по сравнению с другими странами) статусом женщин. В частности, по мнению герцога Вюртенбергского, поведение жительниц Лондона разительно отличалось от манер прекрасного пола на континенте: они вели себя очень свободно, одевались броско и дорого (пусть при этом убранство и было куплено на последние гроши) [3, с. 36]. О раскованности в поведении обитательниц столицы Туманного Альбиона говорит и итальянский новеллист Банделло [цит. по 1, с. 341].

Неудивительно, что литература отреагировала на актуальную тему, и роль женщины стала активно обсуждаться на страницах разных произведений (от высокохудожественных до злободневно-актуальных). При этом трактовка женских образов варьировалась от гуманистически-апологетической (например, в сонетах Вайета, Сарри, Сидни) до схоластически-диаболической (в народной традиции, памфлетной литературе, народной комедии).

К гендерной полемике присоединился и скандально известный елизаветинский автор Р. Грин (1558-1592). Этот писатель, которого современники называли «женский Гомер» [4, с. 6], и который уже приобрел прочную репутацию романиста, драматурга и поэта, в последние годы своей короткой жизни обратился к созданию пяти криминальных (конни-кетчеровских) памфлетов (от англ. *Conny* ‘кролик’ (так злодеи называли жертв своих плутней) и *catcher* ‘ловец’ (сами воры)).

Гендерная проблематика наиболее отчетливо звучит в его предпоследнем памфлете, само название которого прямо декларирует интенции автора найти ответ на извечный вопрос: «*A Disputation Betweene a Hee Conny-catcher, and a Shee Conny-catcher, whether a theefe or a Whoore, is most hurtfull in Cousonage, to the Common-wealth*» [2, с. 206].

Структурно произведение распадается на два фрагмента: собственно диалог между представителями криминального мира (вором Лоуренсом и проституткой Нен) и исповедальный монолог девушки, которая описывает перипетии своего нелегкого бытия (родившись в приличной семье, она становится на путь порока, затем дивным образом превращается в добропорядочную матрону). Связующим звеном между этими автономными нарративными блоками выступают авторские комментарии, которые эксплицируют отрицательное отношение к представительницам древнейшей профессии. По мнению повествователя, джентльмены должны избегать общения с сомнительными особами, которые лишают их не только денег, чести, но и здоровья.

Эта же идея является основной в первой части памфлета, собственно диалоге, однако, она не всегда представляется последовательно. Автор, выбирая форму платоновского диалога, приводит в качестве иллюстративных примеров веселые джесты, в которых закладывается пусть не апологетическое, но положительное отношение к успешным действиям женщин легкого поведения. Балансируя на грани дозволенного, Грин рисковал вызвать у читателя восхищение нечестным образом жизни. Во избежание этого он постоянно вводит слова с негативной коннотацией для выражения ожидаемого читателем и цензором осуждения злодейств. Женщин, подобных Нен, он называет *caterpillars, monsters, villains*, сравнивает с отвратительными существами: «*why you are Crocodiles when you weep, Basilisks when you smile, Serpents when you deuse, and the diuels cheefest breakers to bring the world to distruction*» [2, с. 225-226].

При описании плутней Нен памфлетист акцентирует внимание на тех чертах ее характера, которые, с одной стороны, помогают ей выжить и преуспеть в злодейском мире, а с другой – должны вызвать презрение добропорядочных джентльменов и подчеркнуть дьявольскую природу соблазнительниц, а именно: жадность, стремление получить выгоду любым путем, готовность использовать свои телесные прелести для достижения целей и абсолютно безразличное отношение к страданиям своих жертв. Нен выступает в роли змея-искусителя, который ловко манипулирует простыми, недалекими, богатыми и похотливыми джентльменами и доводит их до полного разорения, причиняет немало моральных и физических мук. Однако, этот образ вызывает неоднозначное отношение: успех женщин зависит не только от их злодейского таланта и греховного естества, но и от предрасположенности мужчин к низменным наслаждениям.

Нен воплощает андрогинный тип личности: она демонстрирует такие традиционно маскулинные черты как рационалистичность, трезвомыслие и практичность, и такие подчеркнута феминные характеристики как чувственность, телесность и греховность. Очевидно, что именно такое сочетание личностных параметров обеспечивает большую успешность женщин в криминальной среде. Эта мысль явно противоречит эксплицированному Грином осуждению женщин легкого поведения, однако вписывается в общую концепцию гуманистической апологетизации любых проявлений человеческой креативности.

Своеобразным морально-этическим «противовесом» этому образу является анонимная куртизанка, которая имела вольные отношения с разными мужчинами, но никогда не стремилась заработать на этом деньги. В данном текстовом фрагменте доминируют исповедальные мотивы, его героиня является аллюзией на представительниц прекрасного пола из «высоких» произведений автора и антиподом конни-кетчерке Нен. Анонимная куртизанка редко берет на себя принятие решений, пассивно принимает обстоятельства жизни, не протестует и не пытается что-либо изменить. Даже идея возвращения к добропорядочной жизни навеивается ей одним из мужчин. Грин создает образ, который стоит ближе к традиционному феминному стереотипу, однако, в словах автора отсутствует воспевание этого типа женщин равно, как отсутствует и избалованный пафос. На фоне предприимчивой, обладающей ораторскими способностями и острым умом Нен, эта героиня выглядит довольно бледно и традиционно. Здесь Грин вступает в своеобразную интеллектуальную игру с читателем, подбрасывая ему пищу для размышлений. Тот факт, что женщины в злодействах успешнее, чем мужчины свидетельствует о большей степени их греховности, но, в то же время, Нен иногда выступает и как «санитар общества», который помогает выявлять и искоренять пороки самих мужчин.

Таким образом, в данном произведении Р. Грин представляет оригинальное видение гендерного вопроса. Извечная дилемма – кто более греховен – представляется автором довольно неоднозначно: женщины успешнее в злодействе в том числе и потому, что мужчины являются слабыми, морально неустойчивыми и поддаются под влияние чар привлекательных куртизанок. История анонимной распутницы должна стать «поучительным примером» и вселить надежду на то, что раскаяние может излечить порок.

Выводя на литературную авансцену женщин легкого поведения, Грин не только закладывает основы для разделения криминальной литературы на «женскую» и «мужскую» линии, но и определяет новый

вектор развития полемики по поводу роли представительниц слабого пола в обществе. Его идеи созвучны идеологии пикарески, которая показывает жестокость женщины как результат влияния социума и жизненных обстоятельств, и в дальнейшем будут подхвачены такими известными последователями как Т. Деккер, Р. Хед, Ф. Киркмен, Д. Дефо.

Литература

1. Буркхард, Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркхард. – М.: Интрада, 1996. – 527 с.
2. Greene, R. A Disputation Betweene a Hee Conny-catcher, and a Shee Conny-catcher / R. Greene // The Elizabethan Underworld / ed. by A. V. Judges. – London: George Routledge & Sons Ltd., 1930. – P. 206–247.
3. London in the Age of Shakespeare: An Anthology / ed. by L. Manley. – London: The Pennsylvania State Univ. Press, 1986. – 365 p.
4. Salzman, P. English Prose Fiction 1558-1700. A Critical History / P. Salzman. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 391 p.

Воеводина Е.А.

Белорусский государственный университет, Минск
Науч. рук. – канд. психол. наук, доцент О.И. Уланович

ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА ГОТИЧЕСКОГО РОМАНА В КЛАССИКЕ ТРАДИЦИИ

Англия. Вторая половина XVIII в. Зарождается новое литературное течение – предромантизм. Уникальность этого явления обусловлена тем, что английская литература – единственная, в которой эпоха Просвещения не сменилась непосредственно эпохой романтизма, но прошла еще одну ступень – предромантизм. Этот период был переходным, однако породил уникальный жанр, оказавший значительное влияние на развитие европейской литературы – готику.

Обращаясь к этимологии самого термина *'gothic'*, можно обнаружить заметную эволюцию его категориального пространства. Изначально готами называли северогерманские племена, чье варварское средневековое искусство пришло на смену эталонам античной культуры. Слово «готический», появляясь в сочинениях XVII–начала XVIII вв., имеет исключительно отрицательную коннотацию и означает 'некультурный, невежественный, вандалистский'. Подтверждением этому может служить отрывок из работы английского философа-просветителя А.Э. Купера графа Шефтсбери, презрительно отзывавшегося о «готическом вкусе»: «Даже самое варварство и готический вкус уже нашли доступ в искусства еще прежде, чем дикие